

Андрей Мамонов: Бюрократия и Катков

*Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russia Academy of Sciences, Moscow):
Bureaucracy and Katkov*

DOI: 10.31857/S086956870001570-5

Любая попытка «объяснить» взгляды и позиции М.Н. Каткова в 1860–1880-е гг. с помощью привычных до избитости ярлыков и эпитетов вступает в прямое противоречие с настойчивым стремлением московского публициста держаться «вне всяких партий и личных соображений». Он действительно глубоко верил в себя и без тени иронии писал в 1884 г. императору: «Моё имя стало равносильно политической программе»²⁵. Однако выражение «катковизм», хотя и встречается иногда в литературе, как-то не прижилось и вряд ли приживётся, поскольку никакого сколько-нибудь стройного учения, пусть даже противоречивого, за катковской «программой» не просматривается. Это и естественно, если учесть, что сам он придавал значение не столько чёткости умозрительной системы или верности тому или иному принципу, сколько государственной пользе и целесообразности.

Вероятно, по той же причине к Каткову не подходят и расхожие идеологические характеристики. В начале 1860-х гг. его, конечно, нельзя не признать либералом, хотя и с сильным элементом «торизма», о чём писал ещё А.Е. Пресняков²⁶. Но уже в 1863 г. публицистика Каткова не определялась «либерализмом» и не сводилась к нему. Тогда Катков, по его выражению, «поднял знамя государственного единства России и русской национальной политики»²⁷. Но был ли он при этом «националистом»? Во всяком случае, себя он так, кажется, никогда не именовал. То или иное представление о «нации» едва ли было системообразующим для его мировоззрения. Сам он, кстати, предпочитал писать о «*национальности*», скорее всего, не желая пользоваться слишком часто тогда употреблявшимся и от того быстро выхолащенным понятием «народность». Причисление Каткова к «националистам» представляется всё же явным анахронизмом и модернизацией (или актуализацией?) прошлого, перенесением его публицистики в проблемное поле более позднего времени и иной эпохи в истории русской мысли.

Это становится совершенно очевидным, если вспомнить, как органично и плавно от «национальной политики» и защиты русских интересов на окраинах Катков перешёл к не менее ожесточённой и важной для него борьбе за насаждение классического образования и преобразование университетов по германскому образцу. Ни та, ни другая реформа — а обе они казались Каткову судьбоносными для России — не преследовала никаких специфически «наци-

²⁵ Вождь реакции 60–80-х годов (письма Каткова Александру II и Александру III) // *Былое*. 1917. № 4(26). С. 21.

²⁶ *Пресняков А.Е. Воспоминания Феоктистова и их значение // Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 7–9.*

²⁷ Вождь реакции... С. 21.

ональных» задач и не подразумевала какой-либо «националистической» риторики. Да и трудно, пожалуй, было придумать нечто менее «национальное», чем резкое смещение центра тяжести гимназического курса к изучению латинской грамматики, преподаваемой чехами по немецким методикам.

Впрочем, не менее ошибочным было бы считать эту затею «консервативной», «охранительной» или «реакционной». Сам Катков в 1879 г. констатировал, что «наша история не завещала нам в этом деле руководящих преданий; наше образованное общество не имело никаких понятий и не могло иметь суждения в вопросах этого рода, наша наука без самостоятельности и достоинства, слабая и колеблемая всяким ветром, не могла дать в этом деле правильных указаний, а напротив, сама-то и была тем недугом, который требовал врачевания»²⁸. Фактически России навязывался радикально-западнический социальный эксперимент в сфере образования. Рассуждая же о необходимости изменения университетского устава и упразднения автономии профессорской корпорации, Михаил Никифорович в том же письме к Александру II отмечал: «Это не есть мера реакционная, принимаемая в каких-либо интересах, чуждых делу просвещения, как кричат противники реформы, играя словами: “консервативный” и “либеральный”. Это есть мера столь же либеральная, сколько консервативная, какою бывает всякая истинно-полезная мера». Более того, он утверждал, что «это есть освободительная мера, как и все великие деяния нынешнего царствования», поскольку «этою мерою цвет нашего учащегося юношества освобождается от произвола профессорских коллегий, которым государство как бы отдало его на эксплуатацию»²⁹. Действительно, тот или иной «реакционный» или «освободительный» оттенок не имел для Каткова существенного смысла. Не видел он и особой разницы между своими оппонентами (непреренно превращавшимися для него во врагов) «из разнообразных лагерей — от высоко-консервативных до красно-радикальных»³⁰.

А.Э. Котов, совершенно справедливо указывая на «отсутствие в молодом (! — А.М.) русском обществе консервативных традиций» (с. 21), исходит в своей книге из более чем спорного предположения, будто «тот идеологический комплекс, что обыкновенно называют “русским консерватизмом” правильнее было бы определять как национализм», причём «в предельно широком значении этого термина», размывающим всякую историческую конкретику (с. 9–10). Между тем о несводимости пореформенного «консерватизма» (явления и впрямь довольно условного и в значительной мере искусственно конструируемого) к национализму свидетельствует созданная самим Котовым панорама охранительных идейных течений второй половины XIX в., в которой, естественно, нашлось место и таким критикам «племенной политики» и «филетизма», как К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов, и Р.А. Фадееву, пытавшемуся выступать в роли идеолога-популяризатора политики сначала гр. П.А. Шувалова, а позднее — гр. М.Т. Лорис-Меликова³¹.

Катков в этом ряду предстаёт (наряду с К.П. Победоносцевым) как выразитель некоего «бюрократического национализма». По мнению Котова, им была сформулирована «идеология государственно-политического национализма... лишь внешне декорированная “православием” и этничностью», которая «делала единственной основой национальной солидарности выдаваемый чиновником документ о подданстве», а самого идеолога обращала «из борца с бюрократией в апостола последней» (с. 90). Само выражение «бюрократический национализм» (особенно при такой его трактовке) едва ли можно считать удачным. Уж больно оно напоминает пресловутую пыпинскую «официальную

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ О нём подробнее см.: Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

народность», вьезшуюся как ржавчина в отечественную историографию и до сих пор сбивающую с толку тех, кто пытается понять идеи гр. С.С. Уварова и его сотрудников³². Да и позицию Каткова во всей её сложности данная «формула» вовсе не отражает.

О «бюрократическом национализме» Победоносцева и Каткова Котов пишет постольку, поскольку «при всей разнице подходов и Каткова, и Победоносцев понимали, что обладают лишь одним средством для проведения в жизнь своих взглядов — *государственным аппаратом*» (выделено в книге. — А.М.) (с. 12, 88). Однако это скорее постулируется автором монографии, чем вытекает из рассуждений Каткова. При всём своём колоссальном самомнении едва ли он всерьёз полагал, что «обладает» правительственными учреждениями и их служащими. Сам он, даже рисуясь, оценивал свои возможности более скромно. «Правительственные лица мне недоброжелательствовали, я был неудобен для всех партий, — вспоминал Михаил Никифорович про 1860-е гг. в письме к Александру III в 1884 г. — У меня была одна защита — Государь, одно оружие — слово правды и разумения, при личной ни в чём незаинтересованности и готовности ежеминутно оставить поприще»³³. Писалось это, конечно, не без лукавства и преувеличения, но акценты были расставлены вполне определённо. Вовсе не располагая каким-либо «аппаратом» за пределами своей редакции, Катков мог только влиять на императора и его ближайших советников, от воли и умения которых уже зависело приведение в действие громоздкой административной машины. Но ведь в самой инспирации, тем более — в присвоении себе права помещать на газетной полосе свои «доклады» императору «по делам государственной важности», не было ничего собственно «бюрократического». Скорее уж в этом можно усмотреть нечто прямо противоположное.

Характерно и то, что Катков, в 1869 г. формально вернувшись на службу, находясь в генеральских чинах и будучи с 1875 г. директором московского Лицея цесаревича Николая, фактически всегда оставался вне правительственных структур, служебных отношений и ведомственной деятельности. Более того, близкие и симпатизировавшие ему «бюрократы» (в том числе Н.А. Милютин в 1866 г., Е.М. Феоктистов и в 1860-е, и в 1880-е гг.) полагали, что, согласившись занять какой-либо официальный пост — например, попечителя учебного округа или члена Государственного совета, — Михаил Никифорович, потеряв возможность руководить газетой, непременно утратил бы влияние и оказался бы не на своём месте³⁴. Котов, правда, неоднократно характеризует редакцию на Страстном бульваре как «департамент Каткова» и даже утверждает, будто в 1880-е гг. она «превращалась в полуофициальную... часть» правительства (с. 56). Однако, судя по тут же цитируемому автором дневнику А.А. Половцова, в правящих кругах империи считали иначе. К примеру, вел. кн. Владимир Александрович незадолго до смерти Каткова прямо говорил Александру III по поводу «Московских ведомостей», что «не следует создавать вне правительства какую-то особую независимую силу», которая «ослабляет правительство» и позволяет себе «подрывать доверие к верховной власти». Императору приходилось «оправдываться»³⁵. Свидетельств же того, что кто-либо из высших сановников считал катковские издания «частью» правительства, пусть и «по-

³² Подробнее об этом термине и давно назревшей потребности отказаться от его употребления см.: Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104. См. также: Шевченко М.М. Официальной народности теория // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 374–376.

³³ Вождь реакции... С. 22.

³⁴ ОР РГБ, ф. 120, к. 12, д. 13, л. 16–18; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 130–131.

³⁵ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 26–27.

дуофициальной» (?), в книге не приведено, тогда как «департамент Каткова» — всего лишь метафора, к тому же не совсем точная. Некоторым современникам его редакция напоминала скорее «контору в помещичьей экономии» (с. 46).

Упоминая о борьбе Каткова с «бюрократией», Котов относит её преимущественно к «его ранней публицистике» (с. 55) или к периоду со второй половины 1860-х до конца 1870-х гг. (с. 12, 56, 86). Это ещё укладывается в логику обращения из «борца» в «апостола». Но критиковать высокопоставленных должностных лиц Катков принялся уже в начале 1860-х гг., выступив против киевского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, министра народного просвещения А.В. Головнина и др., и продолжал в 1880-е гг., вплоть до своей смерти. Именно выпады против министров барона А.П. Николаи, гр. Н.П. Игнатьева, Д.Н. Набокова, Н.Х. Бунге и Н.К. Гирса стали вершиной его «антибюрократической» деятельности, вызвавшей в конце концов гнев Александра III.

Впрочем, это вовсе не противоречит тому, что Катков все эти годы был теснейшим образом связан с правящей бюрократией, хотя и никогда не принадлежал к ней. Вероятно, в книге об «идеологии бюрократического национализма» следовало уделить особое внимание именно отношениям Каткова с правительственными сферами. Однако автор, напротив, сознательно выводит за рамки своего исследования даже таких многолетних сотрудников и единомышленников Михаила Никифоровича, как А.И. Георгиевский и Е.М. Феоктистов (не питавших, кстати, особой симпатии друг к другу), не говоря уже о его контактах с П.А. Валуевым, Н.А. и Д.А. Милютиными, гр. П.А. Шуваловым, К.П. Победоносцевым, гр. Д.А. Толстым, И.Д. Деляновым и др.

Между тем отношения Каткова с бюрократией складывались весьма своеобразно. Собственно сам «феномен Каткова» во многом был порождён внутренней политикой самодержавия конца 1850-х — начала 1860-х гг., поощрявшей «гласность» и пытавшейся использовать прессу как средство мобилизации лояльного общественного мнения и руководства им. Одновременно печать обеих столиц, свобода и возможности которой были заметно расширены, становилась одним из инструментов в борьбе правительственных группировок, старавшихся влиять на те или иные издания или создавать собственные. Эта политика довольно быстро дала результат: бурно распространявшаяся во второй половине 1850-х гг. «рукописная» литература практически исчезла, интерес к эмигрантской печати заметно упал. На этой волне и поднимался Катков.

Вместе с тем его успех объяснялся, конечно же, не только благоприятной конъюнктурой и незаурядными личными качествами, но и тем, что Катков был не просто журналистом (каким, к примеру, будет позднее Суворин), а выходцем из кружков московской интеллигенции 1830—1850-х гг., с их широким кругозором, философскими исканиями и нереализованными амбициями. Кстати, именно эта среда изначально являлась основным «союзником» Герцена внутри России. И от её признания и сочувствия в решающей мере зависела победа Каткова над «Колоколом». Заручившись её симпатиями и содействием, Катков объединил вокруг себя и своих изданий поистине лучшие силы русского общества.

Но прочным это объединение могло быть лишь в том случае, если оно обеспечивало себе влияние на власть. А для этого мало было таланта и кругозора, требовались хорошо налаженные контакты с петербургской бюрократией. Так, славянофильские и почвеннические издания, появившиеся одновременно с катковскими и пользовавшиеся известной популярностью, но не имевшие достаточно сильных покровителей в правящих кругах, быстро прекращали своё существование. Напротив, М.Н. Катков, а в Петербурге — А.А. Краевский и М.М. Стасюлевич, тесно связанные с высокопоставленными сановниками, сравнительно легко преодолевали возникавшие трудности.

Кратковременное сближение с министром внутренних дел Валуевым в 1863 г. позволяло редакции газеты Московского университета безбоязненно критиковать Министерство народного просвещения, спорить с цензурой (перешедшей тогда в ведение МВД) и демонстрировать свою независимость, необходимую для приобретения авторитета в глазах читателей. Но вскоре, разойдясь с Валуевым во взглядах на решение «польского вопроса» и видя провал его попытки создать законосовещательное представительное учреждение, Катков резко поменял союзника и присоединился к противостоявшей Петру Александровичу «русской партии», включавшей тогда братьев Милютиных, министра государственных имуществ А.А. Зелёного, виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва (а затем и его преемника К.П. фон Кауфмана), киевского генерал-губернатора А.П. Безака и др.

В середине 1860-х гг. «Московские ведомости» активно пропагандировали милютинскую политику в Польше и муравьёвскую «систему» в Северо-Западном крае, обличая уже не только Головнина, но и Валуева. «Статьи эти, вполне согласовавшиеся с тогдашним общим настроением народа, — вспоминал Д.А. Милютин, — читались с энтузиазмом по всей России и в свою очередь имели сильное влияние на общественное мнение, возбуждая ещё более чувство народное»³⁶. Именно в 1863—1866 гг. Катков приобрёл тот ореол «трибуна», который стал неотъемлемой частью его репутации в последующие десятилетия. Причём его аудитория состояла отнюдь не только из «националистов» и «консерваторов». А.Ф. Кони, подвергавшийся систематическим нападкам со стороны Каткова после оправдания В. Засулич, в начале 1880-х гг. «хотел преследовать его за клевету в печати, и... вероятно, последовал бы обвинительный приговор, и, во всяком случае, московскому трибуну пришлось бы прогуляться по всем инстанциям». «Но я припомнил, — писал позднее Анатолий Фёдорович, — годы своего студенчества и впечатление статей Каткова в 1863 году, пробудивших русское национальное самосознание, оградивших единство России и впервые создавших у нас достойное серьёзного публициста положение... Ввиду этих несомненных заслуг у меня не поднялась рука или, вернее, перо, для частной жалобы на Каткова, и я очень доволен, что умел стать выше личного самолюбия, отдав в глубине души справедливость ожесточённому врагу в том, что было хорошего в его деятельности»³⁷.

Однако к концу 1860-х гг., после удаления Кауфмана, тяжёлой болезни Н.А. Милютина, смерти Безака и распространения слухов о неминуемой будто бы вскоре отставке военного министра Д.А. Милютина и Зелёного, борьба в печати за прежнюю «национальную политику» оказалась бесперспективной. «Сила отходила от моего органа, голос его становился бесполезным криком», — вспоминал об этом времени Михаил Никифорович³⁸. Но он быстро сориентировался в изменившейся ситуации. Ещё в ходе конфликта с Головниным, которого Катков откровенно демонизировал, «Московские ведомости» ратовали за углубление преподавания древних языков в гимназиях. Задуманная Катковым и П.М. Леонтьевым гимназическая реформа стала основой для альянса с новым министром народного просвещения гр. Д.А. Толстым и поддерживавшим его шефом жандармов гр. П.А. Шуваловым, имевшим репутацию полонофила. Одновременно Катков обрушился на своих прежних друзей. «В продолжении нескольких лет, — писал позднее Милютин, — мы с ним оставались в лучших отношениях, пока не возгорелась яростная борьба между классическим и реальным направлением в школьном деле. Тогда Катков сделался вдруг отъявленным моим врагом и начал с ожесточением нападать на все предпринятые в

³⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 252.

³⁷ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 223—224.

³⁸ Вождь реакции... С. 22.

военном ведомстве реформы, которым прежде выказывал полное сочувствие»³⁹. Не удивительно, что с тех пор военный министр испытывал к своему некогда короткому знакомому почти не скрываемое отвращение, отзываясь о нём «не иначе как с яростью»⁴⁰.

Граф Толстой в конце 1860-х — 1870-х гг. находился полностью под влиянием Каткова и Леонтьева, которых в Петербурге представляли Георгиевский и Феоктистов, ставшие ближайшими сотрудниками министра. Тем временем споры о гимназиях и древних языках изменили отношение к редакторам со Страстного бульвара в московской профессорской среде, а удаление из университета забаллотированного в 1872 г. Леонтьева ещё сильнее обострило наметившийся конфликт. Теперь гр. Толстого подталкивали уже к изменению университетского устава, на что он поддавался с большой неохотой, хотя и признавал имевшиеся в нём недостатки. Когда же весной 1880 г. Александр II отправил его в отставку, Катков обвинил своего многолетнего покровителя в том, что он не довёл до конца навязанное ему дело. Граф, которого бранили тогда те, чью ненависть он заслужил благодаря Каткову, никак не ожидал такого прощального слова от «Московских ведомостей»⁴¹. В 1884 г., уже возглавляя МВД, он говорил о Каткове: «Это свинья, которую я не пускаю к себе»⁴².

А в 1880 г. Михаил Никифорович спешил наладить контакт с главным виновником падения гр. Толстого — гр. М.Т. Лорис-Меликовым. Но тот, имея в своём распоряжении «Голос» и «Новое время», не проявил особого интереса к ставшему уже одиозным редактору. Более того, разрешив издание в первопрестольной «Руси» и «Земства», новый министр внутренних дел заметно усилил конкуренцию среди местных изданий. Тем не менее Катков всячески демонстрировал лояльность новому центру силы. «Когда я был диктатором, — рассказывал граф Михаил Тариелович, — не проходило моего проезда через Москву (раз шесть), чтобы он не являлся ко мне на станцию. А через 4 дня после моего падения он печатал, что я “диктатор сердца” и русский Мидхат-паша. Вот он какой *пистолет!*»⁴³.

Неровно складывались отношения Каткова с высшими сановниками империи и в 1880-е гг., когда, казалось бы, его влияние на императора и правительственную политику достигло апогея. Часть министров регулярно подвергалась его нападкам. Другие его едва терпели, даже когда прислушивались к тем мнениям, которые им выказывались. Но и испытанные временем приверженцы не вызывали у Михаила Никифоровича доверия. Однажды в середине 1880-х гг. после дружеского обеда с единомышленниками у министра народного просвещения «Катков, по обыкновению своему задумчиво ходивший по комнате, вдруг остановился пред Деляновым. “Нет, господа, — сказал он, — напрасно вы ободряете себя надеждами; никто не относится к вам серьёзно, никто не думает, чтобы удалось вам сделать что-нибудь путное”»⁴⁴.

А.Э. Котов прав, когда пишет о «катковской трагедии». Но это была не просто трагедия заложника идеологии «бюрократического национализма». Катков нагляднее, чем кто бы то ни было, показал возможности, открывавшиеся перед общественными деятелями и публицистами в эпоху Великих реформ. В каком-то смысле появление Каткова стало ответом на выдвинутую либеральной бюрократической концепции инициативной монархии, проводящей преобразование с учётом и с помощью общественного мнения и его руководителей,

³⁹ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 506–507.

⁴⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 333.

⁴¹ Там же. С. 189–190.

⁴² Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1. С. 263.

⁴³ Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М., 1968. С. 197–198.

⁴⁴ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 223.

но сохраняющей в своих руках всю полноту власти⁴⁵. Катков же по сути сформулировал её зеркальное отражение — идею инспирируемого самодержавия. По словам Кони, в 1880-е гг. «Катковым и его последователями проповедовался своеобразный и пагубный культ власти, как власти, совершенно независимый от её направления и границ, причём власть рассматривалась не как средство управления, а как самодовлеющая цель»⁴⁶. Но эта власть, воспеваемая Катковым, постоянно нуждалась бы во вдохновенном, независимом, бескорыстном и самоотверженном поводе и его советах, звучащих не в официальных докладах, а со столбцов газеты или в личных письмах. Тут действительно было много общего между Катковым, Победоносцевым и кн. В.П. Мещерским. Бюрократии в этой системе отводилась довольно скромная и неблагодарная роль несмышлёного исполнителя, отвечающего за все неудачи при не подлежащем никакой ответственности монархе и его столь же безответственном наставнике.

Пройдя этим путём, Катков, начинавший как выразитель настроений московской интеллектуальной элиты, пользующийся вниманием и поддержкой в правящих кругах, постепенно рассорился почти со всеми правительственными группировками, вступил в конфликт с профессорской корпорацией, к которой некогда принадлежал, и с большинством периодических изданий. От цензурных взысканий его спасали уже только неизлечимая болезнь и то, что Главное управление по делам печати с 1883 г. возглавлял преданный ему Феоктистов. Неудивительно, что у Каткова не оказалось политических наследников: подобный опыт взаимодействия и его результаты не могли устраивать ни общество, ни бюрократию. Появлению нового «трибуна» с такими же возможностями и амбициями высокопоставленные чиновники вскоре предпочтут организацию склочного, рыхлого, но, как им казалось, более управляемого народного представительства. Однако трагичнее всего, пожалуй, было то, что человек, в начале своей деятельности вместе с «русской партией» выводивший Россию из острейшего кризиса, в конце своего пути, не обладая необходимыми сведениями, из лучших побуждений и разраставшихся страхов самоуверенно и рьяно толкал империю к гибели, проповедуя союз с французскими реваншистами и враждебность к соседним державам. А ведь этим он невольно служил тому самому «польскому делу», с которым всю жизнь боролся.

Книга А.Э. Котова даёт новый импульс для осмысления всех этих коллизий. Весьма ценным представляется стремление автора указать на необходимость изучения не только идей и текстов Каткова, но и его отношений с теми, кто двигался с ним в одном направлении. Данное исследование — важный шаг в разработке обширной темы «М.Н. Катков и его современники». Хочется надеяться, что продолжение этого труда откроет новые перспективы, позволит лучше понять историю русской общественной мысли пореформенного времени и окончательно выведет её из «народнического пленения».

⁴⁵ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // *Отечественная история*. 2005. № 4. С. 154–158; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и реформы в России. 1861–1874. (К вопросу о выборе пути развития) // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 623–646.

⁴⁶ *Кони А.Ф.* Граф М.Т. Лорис-Меликов. С. 214.